

А Н Н О Т А Ц И И

Georgius Syncellus. Ecloga chronographica / Edidit A. A. Mosshammer // Bibliotheca Scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Leipzig, 1984. 507 p.

После того, как в начале XVII века ученому миру впервые стало известно о рукописи хронографического сочинения Георгия Синкела (начало IX в.), его текст публиковался трижды. Editio princeps, выполненная Яковом Гоаром, появилась в Парижском корпусе византийских историков в 1625 г., в 1729 г. его текст без изменений перепечатали в Венеции. Третий раз сочинение Георгия было опубликовано В. Диндорфом в 1829 г. в составе Боннского корпуса Я. Гоар издал текст с латинским переводом по единственной известной тогда полной рукописи середины XI в. (ныне Paris gr., 1711) и учитывал для последней части два уже обнаруженных тогда неполных списка. Хотя в распоряжении В. Диндорфа имелся уже второй полный список XI в. (ныне Paris gr., 1764), его публикация — скорее переработка гоаровской, нежели новое издание. Наряду с исправлениями, сделанными по новой рукописи В. Диндорф внес в труд предшественника и новые ошибки.

Полтора столетия византилисты с благодарностью пользовались изданием В. Диндорфа, хотя ему и свойственны все недочеты, характерные для томов Боннского корпуса. Вышедшая сейчас книга — не переработка старых, а совершенно новое издание, сделанное по всем правилам современной эдиционной техники. А. Мосшаммер непосредственно обращается к рукописным текстам и даже не считает нужным приводить в аппарате отвергнутые им чтения и исправления своих предшественников.

Помимо предисловия, книга состоит из подборки свидетельств о Георгии Синкеле средневековых авторов (Феофана, Анастасия Библиотекаря, Иоанна Скилицы, Георгия Кедрина), текста с подстрочным критическим аппаратом, именно и предметного указателей, списка упоминаемых в тексте авторов со ссылками на цитируемые пассажи, указателя мест, заимствованных из Священного писания и апокрифов, указателя источников. Уже этот перечень показывает, насколько удобней будет теперь работать над «Хронографией» Георгия и филологу и историку.

Текст реконструирован на основании двух упомянутых выше полных списков, для издания последней части труда (с. 360 сл.) привлечены также еще девять

манускриптов, содержащих этот кусок сочинения Георгия. Издатель в каждом случае старается выбрать лучшее чтение, приводя все отклонения в комментарии. Такая работа была бы невозможна без установления рукописной традиции, что и делается со свойственной автору скрупулезностью в предисловии. Помимо этого, издатель нередко учитывает «косвенную традицию», произведения авторов, так или иначе опиравшихся на Георгия. При этом используются и неопубликованные материалы. Гораздо в большем объеме, чем раньше, приведены в критическом аппарате маргиналии, которыми столь богаты рукописи Георгия, в некоторых случаях устанавливаются их источники.

Короткое (такова традиция Bibliotheca Teubneriana!) предисловие А. Мосшаммера никак не рассматривает как исследование, но на самом деле оно именно эту роль и выполняет, уже хотя бы по той причине что ученая литература о Георгии до крайности скудна. Всю ее издатель перечисляет, не упомянув, правда, статьи В. Греку (*V. Grecu. Hat Georgios Synkellos weite Reise unternommen?* // Bull. Ac. Roum. Sect. hist. 1947. 28. 2), а также работы И. Чичурова (Феофан Исповедник — публикатор, редактор, автор: В связи со статьей К. Манго // ВВ. 1982. 42). Автор описывает предыдущие издания, дает характеристику рукописей, останавливается на источниках сочинения Георгия Синкела, говорит об использовании его текста у более поздних писателей, рассказывает о принципах, положенных в основу его работы. Отметим в этой связи тонкие наблюдения А. Мосшаммера, касающиеся вопроса, какие именно списки древних произведений легли в основу труда хрониста. Так, например, по мнению автора, Георгий Синкелл должен был пользоваться той же версией хроники Евсевия Кесарийского, которая легла в основу ее армянского перевода. Не уклоняется А. Мосшаммер и от общей оценки труда хрониста. Справедливо не соглашаясь с унижительными отзывами некоторых старых филологов, он склоняется скорее к характеристике, данной Георгию его учеником и продолжателем Феофаном Исповедником, согласно которому Георгий Синкелл был «замечательным, умнейшим мужем, который прочел множество сочинений хро-

нографов и историографов и тщательно их исследовал.

Рано пока выносить окончательное суждение о Георгии Синкеле, изучение его

творчества — впереди. Настоящее издание «Хронографии» — лучшее тому подспорье.

Я. Любарский

Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society / Ed. by A. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. VIII+344 p.

Книга о преемственности и переменах в развитии поздневизантийского и раннеосманского общества — плод реализации научной программы, объявленной в 1978 г. Центрами византийских исследований Бирмингемского университета и Думбартона Окса (Вашингтон). В основе книги — материалы симпозиума в Думбартон Оксе в мае 1982 г.

Источниковой основой труда являются византийские монастырские акты и османские налоговые описи. Авторы, однако, справедливо подчеркивают сложность прямых сопоставлений этих двух типов источников, их различную природу. Если монастырские акты были документами, подтверждающими права на землю и париков, на фискальные иммунитеты, то османские описи, созданные для нужд налогообложения, не учитывали земли и доходы, изъятые от взъясания налога, нередко давали лишь суммарную информацию о самих держателях. И если по ним можно судить о характере производства, демографических процессах, можно установить имена и статус прежних, византийских, владельцев, то их статистическая обработка для получения общей картины развития экономики определенного региона невозможна (с. 2—4).

Для исследования аграрного развития выбраны области Халкидики, Понта и Лемноса. Город изучен главным образом на примере Фессалоники и Трапезунда, хотя в сравнительном плане привлекаются и данные о других городских центрах.

В главе 1 Ж. Лефор рассматривает селение Радолоубо в Восточной Македонии. Автор пришел к заключению, что с XI до середины XIV в. наблюдается устойчивый рост населения (со 122 до 226 домохозяйств). Чума середины XIV в. прервала этот процесс, возобновившийся в следующем столетии. Эти демографические процессы Ж. Лефор считает типичными для всей Восточной Македонии (с. 18—19) и показывает, как они сопровождалась интенсивной внутренней колонизацией¹.

Исследовав то же селение во второй половине XV в. (по данным османских налоговых описей 1465 и 1478 гг.), Х. Лоури обнаружил преемственность аграрных занятий местного христианского населения в районе. Тимарлотская система налагалась сверху на традиционный стиль жизни и хозяйствования прежних византийских крестьян (с. 35). Однако за 13 лет рост налогов на домовладение, с учетом «инфляции», составил 31,83 %. Налогом облагались в первую очередь товарные культуры — вино и шафран, что показывает

ориентацию крестьянских хозяйств на рыночный сбыт их продукции. Лоури делает и более общий вывод: стоимость османских военных компаний не компенсировалась самими новыми приобретениями, но перекладывалась на плечи райя — платящего налоги населения. Однако, уплачивая налоги, как показал В. Димитриадис, и в последующем население Халкидики сохраняло значительную долю самостоятельности и автономности. В XV—XVI вв. в районы Халкидики направлялся поток беженцев из других, менее благополучных областей Османской империи (с. 50). Значительная доля земельной собственности на Халкидики по-прежнему принадлежала Афонским монастырям.

Аграрное развитие понтийской области Мацука, к югу от Трапезунда, исследовано Э. Брайером. Понт был одним из наиболее плотно заселенных регионов византийского мира. В Мацуке плотность населения составляла 60 человек/км² (исключая высокогорные области), в лежащей к западу от нее Трикоми — 125 человек/км². По людским ресурсам Трапезундская империя в XV в. была самым крупным византийским государством (с. 57—58). Однако население Мацуки не группировалось в крупные села, а было рассредоточено по небольшим хуторам. Брайер делает вывод о малочисленности проний на Понте и о преобладании мелких земельных держаний стратегического типа. Мелкие держатели составляли основу системы обороны Мацуки, которая сохранилась по крайней мере до второй половины XVI в. (с. 74—75). Административная же система банд (окоугов), с их дуканами и кефалами, напротив, была разрушена османами вместе с ликвидацией верхушки прежнего господствующего класса. На фоне общей картины довольно радикальной конфискации церковной собственности и закрытия (превращения в мечети) церквей после османского завоевания (1461 г.) Мацука представляла особенность: 3 ее крупнейших монастыря почти полностью сохранили свои владения при османах. Главную причину этого Брайер усматривает в особой роли монастырей в обороне региона (с. 83) и в поддержке их мощной при султанском дворе и патриархате «понтийской партии» в Константинополе, видным представителем и главой которой был Георгий Амирутци. Если первоначально на Понте многое сохранялось по-старому после османских завоеваний, то наиболее радикальные изменения начали происходить с 20-х годов XVI в. Первый период туркократии (1461—1553 гг.) был ис-

¹ Характеристика аграрных отношений в селении Радолоубо может быть дополнена, в частности, на основании работы Г. Г. Литаврина, не учтенной автором главы: *Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 89—92.*